

Угроза религиозного радикализма духовной безопасности кыргызского народа

*Шарипова Эркайым Козуевна
Ошский государственный университет
доктор философских наук, профессор*

*Кедейбаева Жамал Арстаналиевна
Ошский технологический университет имени академика М.М. Адышева
кандидат философских наук, доцент*

Аннотация

Кыргызы относительно поздно были вовлечены в мусульманский мир, и с точки зрения своей цивилизационной принадлежности не относятся к арабо-исламской цивилизации. Принадлежность кыргызов к тюркско-исламской цивилизации не дает возможности для продуктивных выводов, поскольку границы ее размыты, а степень и характер религиозности у различных этносов, относящихся к ней, ощутимо разнятся между собой. История «освоения» ислама каждым тюркским народом также достаточно специфична.

Ключевые слова: радикализм, ислам, мировая, глобализация, возникновение, современная, процесс, политика.

The threat of religious radicalism spiritual security of the kyrgyz people

*Sharipova Erkaiym Kozuevna
Osh State University
doctor of philosophy, professor*

*Kedeybaeva Jamal Arstanalievna
Osh Technological University named after academician M. M. Adyshev
candidate of philosophy, associate professor*

Abstract

The Kyrgyz were relatively late in the Muslim world, and we do not belong to the Arab-Islamic civilization from the point of view of our civilization. Belonging of the Kyrgyz to the Turkic-Islamic civilization does not allow for productive conclusions, since its boundaries are blurred, and the degree and nature of religiosity among different ethnic groups belonging to it vary significantly. The history of the "development" of Islam by each Turkic people is also quite specific.

Key words: radicalism, Islam, world, globalization, emergence, modern, process, politics.

Исламский радикализм оценивается многими исследователями как прямое следствие «цивилизационного противостояния», ответ мусульманского мира на брошенный ему вызов, как закономерное явление, которое в принципе можно охарактеризовать как «исламский ренессанс», поскольку в нем отражается стремление определенной части мусульман к возрождению «истинных» исламских ценностей в условиях глобализации, а также как антитезу активной экспансии либерально-западной системы ценностей и идеологии в форме идеологии исламского радикализма, как наиболее эффективной и адекватной сложившейся в мире ситуации.

Процесс политизации ислама и радикальные проявления воинствующего исламизма все чаще ассоциируются в массовом сознании как альтернативный путь, по которому пошла современная мусульманская цивилизация [1, с. 102.]. Одной из очевидных особенностей современного процесса радикализации глобального ислама является наличие транснациональных связей мусульман всего мира. С самого момента своего возникновения ислам, как и любая другая мировая религия, претендовал на универсализм, и независимо от того, каким образом он распространялся в дальнейшем, ислам стал мировой религией, что говорит в пользу того, что в нем изначально присутствовали многие элементы универсального порядка и что он был и остается над и межнациональной религией. И, соответственно, по тому, что ислам представляет собой в «центре», можно относительно достоверно судить о том, какой он на своей периферии, к которой относится и современный Кыргызстан. Конечно, не следует ставить знак тождества между «центром» и периферией, однако, безусловно, они достаточно тесным образом связаны между собой, причем влияние первого на последнюю уже сегодня совершенно очевидно, а кроме того, оно содержит в себе тенденцию к возрастанию. Уточнение данного обстоятельства важно для нашего исследования, поскольку, как мы считаем, радикальный ислам по отношению к нашей молодой республике можно определить и характеризовать в целом, в принципе как «импортный продукт», который находит здесь благоприятную почву в виде обеднения значительной части населения Кыргызстана после распада СССР, затянувшегося системного социально-экономического кризиса, образования идеологического и духовного вакуума после краха коммунистической идеологии, кризиса идентичности и т.д. Находясь на периферии мусульманского мира не только географически, но и духовно, кыргызский этнос, составляющий большинство населения Кыргызстана, обладает рядом специфических черт, накладывающих определенный отпечаток как на характер и степень его религиозности, так и на реальную цивилизационную принадлежность, установление которой важно с точки зрения длительной исторической перспективы, а также оценки адаптационных способностей кыргызов в условиях современной глобализации, склонности или, наоборот, неприятия радикальным форм в системе религиозного мировоззрения и обусловленной им общественно-политической практикой.

Исламизация тюрков Тянь-Шаня осуществлялась длительное время. Еще в X в. тяньшаньские тюрки считались самыми упорными врагами

ислама в Центральной Азии. Как пишет академик В. Бартольд, считающий, что кыргызы стали перекочевывать с Енисея на Тянь-Шань с XIII века: «Если бы кыргызы жили в Семиречье уже в эпоху Караханидов, то они, несомненно, приняли бы ислам в X или XI вв., между тем они еще в XVI в. считались язычниками» [2, с. 219]. Даже в конце 19 века, как пишет Б. Аманалиев: «Кыргызы жили племенами, разрозненно, что наложило свой отпечаток и на их религиозные верования: с этим можно связать и отсутствие единой универсальной религиозной концепции. Порою у каждого племени, даже у каждого рода, были свои особые объекты культа, причем характер и функции их часто менялись» [3, с. 6].

В.В. Бартольд указывает на то, что кыргызы даже во второй половине XVI в. соседними народами не признавались мусульманами и несмотря на то, что к началу XX в. кыргызы уже считались мусульманами, они находились в своеобразном промежуточном положении между монголами и калмыками, так и не принявшими ислам, и глубоко усвоившими его узбеками, уйгурами и таджиками. Как указывает Б. Джамгерчинов, «подавляющее большинство кыргызского народа нельзя... отнести к ревностным мусульманам, религиозного фанатизма среди кыргызов не наблюдалось. Догматы ислама им были мало известны, религиозные обряды выполнялись не точно и не всеми» [4, с. 49]. Требования к духовным лицам в кыргызской среде естественным образом были занижены и для того, чтобы быть причисленным к местному мусульманскому духовенству, не требовалось получения специального духовного образования, деятельность же местных мулл была сосредоточена главным образом в сфере бытовой обрядности, связанной со свадьбами, похоронами, поминанием умерших и т.п. Следует обратить внимание на то, что процесс исламизации кыргызского этноса наиболее успешным и интенсивным образом шел в XIX в. и в первые два десятилетия XX в., что было обусловлено главным образом тем, что кыргызские территории входили в состав Кокандского ханства, в котором ислам являлся официальной религией, использовавшейся кокандскими властями как один из инструментов проводимой ими ассимиляторской политики.

Однако независимо от того, каким именно образом происходила исламизация кыргызов, в целом его принятие объективно соответствовало интересам кыргызского народа, который в новых исторических условиях, бурной колонизации государствами Запада и Российской империи, нуждался в идеологии, способной объединить кыргызов, вокруг которой должна была формироваться новая кыргызская идентичность. И такой идеологией в принципе мог стать ислам. Столь подробное рассмотрение обстоятельств, вовлекших кыргызов в ислам, особенностей, степени и характера его освоения, а также характера самой религиозности кыргызов, некоторых специфических черт, связанных с наличием элементов синкретизма, исторических обстоятельств включения кыргызов в мусульманский мир, необходимо было нам в связи с тем, что все это в совокупности объясняет многие религиозные реалии в современном Кыргызстане, а также достаточно убедительно показывает, что исламский радикализм, учитывая религиозную

умеренность и терпимость кыргызов, своеобразное безразличие к религиозным проблемам, не является собственно кыргызским «продуктом». То есть исламский радикализм в нашей республике, по нашему мнению, обусловлен главным образом внешним воздействием, он в значительной мере привносится извне, хотя при этом он стимулируется внутренними социально-экономическими, политическими, межэтническими и другими проблемами.

После распада Советского Союза и смены общественно-политического строя государство, по сути, отстранилось от идеологической и воспитательной работы, впрочем, и не имея реальной возможности проводить ее. И в почву, «очищенную» от прежней интернационалисткой коммунистической атеистической идеологии, стали вноситься новые «семена», в которых национализм и религиозность стали преобладающими, основными составляющими, которые целом находятся в состоянии оппозиции. Как указывал и предполагал Р.Г. Ланда в начале 90-х годов, «одной из причин неудачи фундаменталистов на всем постсоветском пространстве будут национализм и регионализм.

В условиях нестабильности, массовой идеологической и ценностной дезориентации при резкой девальвации предшествующих ценностей одними из самых востребованных идей, особенно в молодежной среде, стали радикальные идеи, как наиболее простые, доходчивые и формально конструктивные, обещающие быстрые положительные изменения. В условиях глубокого системного кризиса, порождающего неуверенность в ближайшем и отдаленном будущем, не востребованности обществом молодых людей, как правило, не обладающих серьезными профессиональными навыками, в производительном общественно-полезном труде являются весьма благоприятной почвой для крайних политических форм, в том числе религиозной. Молодые люди или во всяком случае определенная их часть, для которой, как показывает огромный исторический опыт, наиболее привлекательны простые, радикальные идеи, являются самым подходящим материалом для формирования всевозможных экстремистских групп и организаций, опасность которых для общества и государства значительно возрастает именно в связи с тем, что они могут обосновывать свою преступную деятельность, оправдывать ее именем Бога, Аллаха, служением высшей цели и т.д.

Исламский радикализм, стремящийся к установлению абсолютного господства религии в жизни обществе и государства, видит в политике лишь средство достижения своей цели, которая, однако, не достижима без и вне политики. На неразрывности ислама и политики настаивают многие современные исследователи.

Не менее значимой и благоприятной предпосылкой для Кыргызстана, как, впрочем, и для всех республик Центральной Азии, для любого рода радикализма, в том числе религиозного, является то обстоятельство, что политическая борьба в каждой из республик тесно связана с борьбой за власть между региональными элитами, а при сложной этнической ситуации – между отдельными этническими образованиями, которые, впрочем, также ориентированы на клановые и региональные интересы.

К внешним причинам, способствующим процессу внедрения и распространения исламского радикализма в Кыргызстане, в принципе можно отнести его «экспорт» из соседних республик, особенно – из Узбекистана. Вследствие жестких и решительных мер, предпринятых официальным Узбекистаном по отношению к «собственным» исламским радикалам, их массового преследования, многочисленных судебных процессов, длительных тюремных заключений значительная их часть будет вытеснена в другие государства, в том числе в Кыргызстан.

В Кыргызстане, как и в Центральной Азии, исламский радикализм существует во многом благодаря внешней финансовой поддержки. Среди источников финансирования исламских экстремистов и радикалов наиболее значимыми являются: государства-спонсоры, всевозможные международные исламские организации, криминальные источники, в которых наиболее значим наркобизнес, и самофинансирование. Не является секретом, что значительным источником для финансирования исламских радикалистских движений является наркобизнес, размеры которого также сохраняют тенденцию к росту, несмотря на внушительные современные его размеры.

Между национализмом в государствах Центральной Азии и религиозным радикализмом существует глубокая внутренняя связь, проявляющаяся в том, что оба они опираются в значительной мере на традиционализм и, соответственно, традиционную систему ценностей, что обеспечивает им обоим чрезвычайную прочность и устойчивость. Значительное ослабление государственных институтов в ряде центрально-азиатских государств, в том числе в Кыргызстане, часто не располагающих необходимыми средствами и кадрами для ведения продуманной и эффективной внутренней и внешней политики, привели к росту сепаратизма, националистических настроений и тенденций, межэтнических трений и конфликтов, а также значительному усилению религиозно-политических процессов.

Библиографический список

1. Чуешов В.И. Введение в современной философии. Минск, 1997.
2. Гулыга А. Дух и духовность // Диалог. 1991. № 17
3. Духовное производство. Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981
4. Духовность // Словарь по этике. М., 1989. С. 87.
5. Зеличенко А. Психология духовности. М., 1996.
6. Кемеров В. Е. Введение в социальную философию. М., 1996.
7. Спиркин А.Г. Философия. М., 2004.
8. Крымский С.Б. Контуры духовности: новые контексты идентификации // Вопросы философии. 1992. № 12.
9. Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.
10. Ануфриев Е.А., Лесная Л.В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен // Социально-политический журнал. 1997. № 3